

ПЕРЕЛЬМУТЕР И. А.

ИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ МЕДИЙ И РЕФЛЕКСИВ

(Опыт функционального анализа)

Вопрос о первоначальном значении индоевропейского медиа принадлежит к числу наиболее дискуссионных в индоевропейском языкознании. О первоначальном значении и.-е. медиа высказываются различные, порой совершенно исключающие друг друга мнения. Широко распространено представление о необычайной сложности и даже неразрешимости этого вопроса. Между тем, на наш взгляд, наука о языке располагает в настоящее время данными, позволяющими существенным образом приблизиться к решению проблемы.

Медиальные формы глагола древнегреческого, древнеиндийского, авестийского, хеттского, тохарских языков обнаруживают между собой явное сходство как со стороны материальной, так и по своему значению: они широко используются для образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов и, кроме того, сами могут выступать в транзитивном употреблении. В латинском и других итальянских языках, в готском, а также в кельтских языках представлена система личных окончаний глагола, генетически восходящих к и.-е. медию, но по своему функционированию медиальные формы в этих языках отличаются от медиальных форм в языках, перечисленных выше, и прежде всего тем, что в них соответствующие формы глагола не выступают в транзитивном употреблении. Общеизвестно, что функционирование медиальных форм в древнегреческом, древнеиндийском, авестийском, хеттском и тохарских языках отражает более древнее состояние. Все дальнейшее наше изложение ориентировано на медий в этих языках, сохраняющий основные особенности (материальные и функциональные) и.-е. медиа.

При рассмотрении функциональной сферы и.-е. медиа обычно указывается на ее близость к функциональной сфере рефлексива. «Медий обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое ко многим значениям русского средневозвратного на -ся, который, по обычному (надо думать, справедливому) мнению, заменил собой древний медий» [1, с. 88].

Действительно, функционально-семантическая сфера и.-е. медиа поразительно близка к сфере функционирования возвратных форм глагола в современных и.-е. языках, прежде всего в таких, где рефлексив объединяет в своей функциональной сфере прямо-возвратную функцию, связанную с непереходным употреблением форм глагола, и косвенно-возвратную функцию, связанную с употреблением переходным. К языкам такого типа относятся, в частности, балтийские языки — литовский и латышский.

В XIX в. и начале XX в. была распространена точка зрения, согласно которой рефлексивная функция и.-е. медиа и была его первоначальной функцией. Такое представление отражено, в частности, в работах эллиниста Джилдерслива [2], индологов Итона [3] и Шпейера [4], в трудах видных русских компаративистов Ф. Ф. Фортунатова [5], В. К. Поржезинского [6], В. А. Богородицкого [7]. Позднее эта точка зрения, хотя она и не была подвергнута сколько-нибудь основательной критике, высказывалась редко. Подавляющее большинство компаративистов нашего века полагали, что рефлексивные функции медиа появились лишь в процессе относительно позднего развития, что первоначальная функция и.-е. медиа отличалась от рефлексивной.

В первые десятилетия нашего века был опубликован ряд исследований, авторы которых стремились показать, что активные и медиальные окончания представляют собой фонетические варианты одних и тех же морфологических формантов [8—11]. Отсюда делался вывод, что актив и медий первоначально не различались между собой по значению. Появившееся позднее семантическое различие между активом и медием было, по мнению сторонников этой точки зрения, на первых порах минимальным. Медиальная форма отличалась по значению от соответствующей активной лишь указанием на заинтересованность субъекта в действии: «В индоиранском и греческом окончания среднего залога показывают, что субъект лично заинтересован в процессе» [12]. В 1950 г. Э. Бенвенист писал о том, что существует «...формула, которая почти дословно повторяется у всех компаративистов: средний залог, по-видимому, указывает только на определенное отношение между действием и субъектом, а именно на „заинтересованность“ субъекта в действии» [13]. Сторонники рассматриваемой точки зрения не показали, какими путями из дополнительного оттенка значения, первоначально отличавшего медиальную форму от соответствующей активной, развились разнообразные исторически засвидетельствованные значения медиа. Насколько можно судить, никто из этих исследователей даже не ставил перед собой такой задачи.

Приблизительно к середине века широкое распространение получила иная точка зрения на природу и.-е. медиа, в соответствии с которой и.-е. медий был первоначально связан с обозначением состояния, с интранзитивностью. Легко заметить, что это воззрение по самой своей сути прямо противоположно рассмотренному выше. Там говорилось об особой заинтересованности субъекта в том или ином процессе, следовательно, о его повышенной активности, здесь — о состоянии, субъект которого всегда инактивен. Можно только удивляться тому, что, по-видимому, никто из многочисленных сторонников первой из рассмотренных точек зрения не попытался отстаивать ее в полемике с ее противниками. Единственное вероятное объяснение этого странного факта состоит в том, что в распоряжении сторонников первой концепции не оказалось достаточно веских аргументов, опираясь на которые они могли бы вести полемику.

На формирование представления об изначальной связи и.-е. медиа с обозначением состояния решающее влияние имела гипотеза, выдвинутая в 30-х годах Е. Куриловичем [14] и Х. Стангом [15], которые усмотрели наличие сходных черт в системе личных окончаний и.-е. медиа и и.-е. перфекта. Предположение о формальном сходстве между этими грамматическими категориями заставляло вести поиски сходных черт и в сфере функциональной. Поскольку перфекты, относящиеся к древнейшему слою форм рассматриваемой грамматической категории в некоторых и.-е. языках (в древних индоиранских и в древнегреческом), большей частью выражают физические и психические состояния, то у исследователей возникало побуждение рассматривать обозначение состояния также в качестве древнейшей функции медиа. Эту точку зрения отстаивает, в частности, Э. Ной: «Поскольку у истоков медиальной диатезы находится обозначение состояния, то так называемый рефлексивный медий мог возникнуть лишь в процессе позднейшего развития» [16, с. 146]. Сходные мнения высказывались и советскими компаративистами [17, с. 59; 1, с. 90]. Некоторую модификацию этой точки зрения представляет концепция Я. Гонды, усматривающего древнейшую функцию медиа в указании на произвольное действие, на событие [18, 20]. В соответствии с этим значением, по мнению Я. Гонды, находилось и синтаксическое «поведение» медиальных форм — первоначально присущая им интранзитивность [18, с. 54]; рефлексивные функции медиа, как указывает Я. Гонда, возникли на относительно поздних этапах его функционально-семантической эволюции [18, с. 57; 19].

В последние годы многие компаративисты начинают проявлять критическое отношение к этой точке зрения. К. Уоткинс, разделяющий мнение Е. Куриловича о генетических связях между окончаниями медиа и окончаниями перфекта, полагает все же, что из наличия таких связей

еще «вовсе не следует, то обе эти категории были первоначально функционально тождественными» [21, с. 69]. Против мнения о первоначальной идентичности функционально-семантических сфер меди и перфекта выступает О. Семереньи, подчеркивающий такие особенности функционирования меди, которые сближают его скорее с активом презентно-аористной системы, чем с перфектом [22]. М. М. Гухман считает, что «вопрос о соотношении перфекта и медиума... и поныне остается дискуссионным» [23, с. 194]. Рассматривая медиальные глаголы древнегреческого и древнеиндийского языков, являющиеся, по ее мнению, наиболее древними, М. М. Гухман отмечает: «здесь затруднительно было бы выделить такие смысловые категории, как непереходность и состояние» [23, с. 184].

Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время вообще нет такого воззрения относительно первоначальной функции и.-е. меди, которое пользовалось бы широким признанием. В науке господствует представление о крайней сложности и даже неразрешимости этого вопроса. Многие современные исследователи охотно присоединяются к высказыванию Ж. Вандриеса: «Пытаться определить исходный пункт развития этих разнообразных значений (имеются в виду различные значения и.-е. меди. — П. И.) было бы задачей рискованной, да, пожалуй, и неразрешимой» [24].

На наш взгляд, однако, дело обстоит далеко не так безнадежно. Концепции, рассмотренные выше, сформировались под влиянием различных методов анализа формальных показателей и.-е. меди. Ни один из этих методов анализа не привел к убедительным результатам. Представляется целесообразным на данном этапе исследования интересующего нас вопроса отказаться от формального анализа и попытаться выявить первоначальную функцию и.-е. меди, исходя из данных анализа функционального. История науки о языке свидетельствует о том, что при изучении многих проблем функциональный анализ оказывался гораздо более плодотворным.

Начнем с фактов, давно установленных наукой и не вызывающих разногласий, а именно — с перечисления таких особенностей, которые являются общими для функционально-семантической сферы меди в древних и.-е. языках и для соответствующей сферы рефлексива во многих новых и.-е. языках: 1) прямо-возвратная функция; 2) косвенно-возвратная функция (глагольные формы, выступающие в этой функции, обозначают действие, совершаемое субъектом в своих интересах, в свою пользу, а также действие, совершаемое субъектом над предметом, принадлежащим к его сфере; косвенно-возвратная функция характерна в первую очередь для таких новых и.-е. языков, в которых — как в литовском и латышском — рефлексивные формы могут выступать в транзитивном употреблении; 3) взаимно-возвратная функция; 4) функция образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов (на основе этой функции возникла в ходе исторического развития функция образования форм с пассивным значением); 5) функция обозначения особо интенсивного действия (*medium intensivum*, *medium dynamicum*); эта функция характерна для возвратных глаголов многих новых и.-е. языков [25, с. 100 и сл.]; 6) отсутствие различий по значению между обеими залоговыми формами глагола: медиальной и активной в древних и.-е. языках, рефлексивной и нерефлексивной в новых и.-е. языках [25, с. 101]; 7) лексико-семантическая дифференциация залоговых форм (медиальных и активных в древних и.-е. языках [26], рефлексивных и нерефлексивных в новых и.-е. языках [тип *прочитать/процаться*]); 8) наряду с глаголами, которые могут выступать в обеих залоговых формах, имеются глаголы, которые выступают только в одной из них: *activa tantum* и *media tantum* древних и.-е. языков, *activa tantum* и *reflexiva tantum* новых и.-е. языков.

Разумеется, абсолютно полного совпадения функциональных сфер медиальных и рефлексивных форм в разных языках нет и быть не может: каждый язык характеризуется в этой области, как и во всех прочих, неповторимым своеобразием. Можно, однако, утверждать, что нет таких функциональных особенностей, которые объединяли бы меди в различ-

ных древних и.-е. языках и одновременно противопоставляли бы его рефлексиву в различных новых и.-е. языках: медий отличается в функциональном плане от рефлексива не в большей мере, чем рефлексивы разных новых и.-е. языков различаются в этом отношении между собой.

Вряд ли кто-либо из современных компаративистов будет оспаривать приведенные факты. Но надо признать, что очень большое сходство между функциональной сферой медия и рефлексива само по себе еще не решает окончательно вопроса об исторических связях между различными функциями медия. Именно здесь и возникают разногласия. Наиболее дискуссионным является вопрос о соотношении в плане диахронии между прямо-возвратной функцией медия и функцией интранзитивации. В соответствии с широко распространенной точкой зрения, прямо-возвратная функция медия развилась из функции интранзитивации [27; 28; 17, с. 80 и сл.]. Многие данные служат, однако, подтверждением того, что историческое развитие протекало в обратном направлении, что функция интранзитивации развилась из прямо-возвратной функции. Обратимся к данным лингвистической типологии. Процесс возникновения функции интранзитивации на основе прямо-возвратной функции прослеживается на материале очень многих языков. Мы наблюдаем его, в частности, в истории рефлексивных глаголов славянских, балтийских, германских и романских языков. О первичности прямо-возвратной функции здесь свидетельствует уже этимология формального показателя рефлексивности, восходящего по своему происхождению к возвратному местоимению. Среди возвратных глаголов русского языка «собственно-возвратные глаголы являются исторически древнейшими, а все прочие (имеются в виду «возвратные глаголы». — П. И.) сложились на их основе в результате сложного взаимодействия лексических, морфологических и контекстуально-синтаксических факторов» [29, с. 67]. Аналогичный процесс функционально-семантического развития произошел у местоименных форм глагола во французском языке [30, с. 212 и сл.], а также у рефлексивных форм глагола многих других новых и.-е. языков. Между тем исследователи, по мнению которых развитие медия шло от функции интранзитивации к прямо-возвратной функции, не приводят в пользу своей точки зрения никаких данных, которые бы показывали, что постулируемую ими эволюцию в функционально-семантической сфере можно наблюдать в истории каких-либо языков.

В и.-е. языках представлены различные формально-грамматические категории, служащие для выражения состояния, для образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов. Сюда относятся, в частности, глагольные основы с исходом на $\bar{e}$ -, древнеиндийские презентные основы так называемого IV класса с суффиксом $-ya-$, глаголы со словообразовательным суффиксом $-na/-no-$ в готском и скандинавских языках, глаголы с назальным суффиксом в славянских языках. Указанные форманты широко используются в функции интранзитивации, причем функционально-семантическая сфера глаголов, основа которых содержит эти суффиксы, во многом совпадает с функционально-семантической сферой медия, с той, однако, существенной разницей, что выражение прямо-возвратного значения им совершенно не свойственно. Таким образом, для формально-грамматических категорий глагола в и.-е. языках, которые обозначают стательность и интранзитивность, не характерно выражение собственно-возвратных значений. Из этого можно сделать, по крайней мере, один вывод, но вывод очень важный: функция интранзитивации вовсе не обязательно порождает прямо-возвратную функцию.

Функция интранзитивации, не являясь первоначальной функцией рефлексива, на определенном этапе исторического развития становится его основной функцией. Это верно, в частности, по отношению к современному русскому языку: «Общая функция $-ся$ — устранение переходности глагола» [31]. Так обстоит дело не только в современном русском языке. Функция интранзитивации представляла собой основную функцию возвратных глаголов на протяжении многих веков истории русского языка [29, с. 72]. С другой стороны, для семантического развития возвратных

глаголов в русском языке характерно постепенное угасание прямо-возвратной функции. Прямо-возвратное значение очень неустойчиво. Многие глаголы, которые были способны в прошлом (еще в XIX в.) выражать прямо-возвратное значение, в современном русском языке эту способность утратили [32, с. 49]. В русском литературном языке XI—XV вв. возвратные формы глагола с прямо-возвратным значением были гораздо более употребительны, чем в современном языке [29, с. 72].

Итак, функция интранзитивации доминирует в функциональной сфере русских возвратных глаголов. Можно было бы ожидать, если исходить из той точки зрения, что прямо-возвратная функция возникает на основе функции интранзитивации, что доминирующее положение функции интранзитивации способствует оживлению и широкому распространению прямо-возвратной функции. В действительности мы наблюдаем картину совершенно противоположную: прямо-возвратная функция рефлексивных глаголов русского языка постепенно угасает, прямая возвратность находит новое формальное выражение в описательных конструкциях, образуемых сочетанием глагола с возвратным местоимением в форме винительного падежа. Те же процессы наблюдаются в истории местоименных глаголов французского языка: усиление доминирующей роли функции интранзитивации сопровождается постепенным затуханием прямо-возвратной функции [30, с. 200, 201, 212, 213].

Если обратиться к функциональной сфере древнегреческого медиа, то можно обнаружить очень сходную картину. Уже у Гомера функция образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов — наиболее живая и продуктивная функция медиа [17, с. 10, 34]. В дальнейшей истории древнегреческого языка ее доминирующее положение в функциональной сфере медиа становится еще более явным. Совершенно иную судьбу имела прямо-возвратная функция древнегреческого медиа. У Гомера прямо-возвратное значение выражалось еще по преимуществу медиальными формами; лишь в единичных случаях для этой цели использовалось сочетание глагола с возвратным местоимением. По наблюдениям Боллинга, подобные конструкции встречаются в Илиаде не более десяти раз [33]. В прозе классического периода (V—IV вв. до н. э.) прямо-возвратное значение в подавляющем числе случаев передается описательной конструкцией, образуемой сочетанием глагола с формой возвратного местоимения. Медиальные формы с прямо-возвратным значением встречаются крайне редко. Таким образом, и в древнегреческом медиа расширение сферы функции интранзитивации сопровождается сужением сферы прямо-возвратной функции.

Важные данные по интересующему нас вопросу можно извлечь из материалов хеттского языка. Медиальные формы хеттского глагола, наряду с другими значениями, передают также прямо-возвратное значение. Кроме медиальных форм, не осложненных никакими дополнительными показателями, для выражения прямо-возвратного значения здесь используются также медиальные формы, снабженные афигированной возвратной частицей *-za*. Э. Ной указывает на то, что медиальные формы с прямо-возвратным значением, оформленные рефлексивной частицей *-za*, встречаются главным образом в более поздних памятниках, но вывод, который он делает из этого факта, безусловно ошибочен: «По всей вероятности, с этим вторичным, относительно поздним формированием рефлексивного значения медиа можно поставить в связь тот факт, что рефлексивная частица *-za* часто наблюдается в более поздних памятниках в таких случаях, в которых на более ранних этапах развития языка она отсутствует» [16, с. 146]. Факты, которые приводит Э. Ной, явно противоречат его выводу. Прямо-возвратное значение, как на это указывает сам Э. Ной, на более ранних этапах развития языка выражалось с помощью медиальных форм, не снабженных никакими дополнительными показателями; на более поздних этапах существования языка в этом значении выступают по преимуществу медиальные формы с афигированной возвратной частицей. Перед нами тот же процесс обновления формального выражения прямо-возвратной функции, который мы наблюдаем в истории древнегрече-

ского, русского и многих других и.-е. языков. Это значит, что старая форма утрачивает способность к выражению соответствующего значения. Прямо-возвратная функция хеттского медиа постепенно угасает так же, как это происходит в древнегреческом языке.

Важно отметить при этом, что наиболее продуктивную функцию медиа в хеттском языке, как и в древнегреческом, образует функция интранзитивации [17, с. 46]. В хеттском языке, таким образом, как и в языках, о которых шла речь выше (славянских, романских, древнегреческом), угасание прямо-возвратного значения медиа происходит на фоне доминирующей роли функции интранзитивации.

Постепенное сужение сферы прямо-возвратной функции, происходящее параллельно усилению доминирующей роли функции интранзитивации, трудно согласовать с представлением о том, что функция интранзитивации порождает прямо-возвратную функцию. Создается впечатление, что функция интранзитивации не только не образует основы для возникновения прямо-возвратной функции, но служит помехой для ее существования, вытесняет ее, способствует ее постепенному затуханию.

В свете всего изложенного возникает возможность по-новому рассмотреть вопрос об исторических связях между прямо-возвратной функцией и функцией интранзитивации. Многие данные приводят к выводу о том, что прямо-возвратная функция исторически предшествует функции интранзитивации, что функциональное развитие имеет здесь однонаправленный характер: от выражения прямо-возвратного значения к выражению интранзитивности во всех ее проявлениях, но не наоборот. Применяя этот вывод к вопросу о первоначальной функции и.-е. медиа, мы можем заключить, что свойственная медию функция интранзитивации развилась из прямо-возвратной функции и, следовательно, функцию интранзитивации нельзя рассматривать как древнейшую функцию и.-е. медиа. Здесь мы полностью присоединяемся к мнению А. В. Десницкой о вторичном, относительно позднем возникновении функции интранзитивации в функционально-семантической сфере медиа [34]. Как показала А. В. Десницкая, в отдаленном прошлом и.-е. языков глаголы в своем большинстве были нейтральны по отношению к оппозиции «переходность — непереходность». В условиях, когда одна и та же форма глагола могла выступать как в переходном, так и в непереходном употреблении, не возникало необходимости в специальных грамматических способах интранзитивации [34]. В дальнейшем изложении мы попытаемся показать, что не только функция интранзитивации, но и все другие исторически засвидетельствованные функции медиа развились на основе его возвратной функции.

Прежде всего рассмотрим вопрос о соотношении прямо-возвратной и косвенно-возвратной функций медиа. Один из немногих современных компаративистов, придерживающихся мнения об изначально рефлексивной природе и.-е. медиа, — В. И. Георгиев полагает, что окончания и.-е. медиа восходят по своему происхождению к личным, указательным и возвратным местоимениям. При этом в одних случаях исходное местоимение имело форму винительного падежа, в других — форму дательного. Иначе говоря, по мнению В. И. Георгиева, и.-е. медий возник в результате смешения глагольных форм с аффигированным местоимением в форме винительного падежа, служивших для выражения прямо-возвратного значения, и глагольных форм с аффигированным местоимением в форме дательного падежа, служивших для выражения косвенно-возвратного значения [35].

Этимология личных окончаний и.-е. медиа, предлагаемая В. И. Георгиевым, весьма гипотетична. Более убедительным представляется то решение интересующей нас проблемы, которое выдвигает А. В. Десницкая, связывающая возникновение косвенно-возвратной функции медиа с особым характером функционирования винительного падежа в древних и.-е. языках. В этих языках формы винительного падежа выступают не только в роли прямого дополнения, но часто обнаруживают обстоятельственные значения, указывая в подобных случаях на сферу, в которой осущест-

вляется данное действие [36]. В традиционной грамматике эта функция винительного падежа получила название «винительного отношения» (*accusativus relationis*). Представленная и в других древних и.-е. языках, эта функция особенно характерна для древнегреческого языка [37]. Поскольку винительный падеж мог выступать как в функции «винительного объектного», так и в функции «винительного отношения», то нередко возникала возможность его двоякого осмысления. Эта возможность возникла, в частности, и в сочетаниях формы винительного падежа с медиальной формой глагола. Такое высказывание, как εἶσατο δὲ φθογγήν υἱ Πριάμοιο Πολίτῃ (II. 2, 791; пример А. В. Десницкой), может быть понято двояким образом: 1) «Она [богиня Ирида] уподобилась (εἶσατο — медиальная форма в непереходном, прямо-возвратном значении) в отношении голоса (φθογγήν — „винительный отношения“) сыну Приама Политу»; и 2) «Она уподобила свой голос (медиальная форма в переходном, косвенно-возвратном значении в сочетании с формой „винительного объекта“) сыну Приама Политу». Осмысление формы «винительного отношения» в качестве формы «винительного объектного» приводило к тому, что медиальная форма глагола с прямо-возвратным значением воспринималась как форма с косвенно-возвратным значением, управляющая винительным падежом прямого дополнения. Таким путем А. В. Десницкая дает очень убедительное объяснение соотношению между прямо-возвратной и косвенно-возвратной функциями медиа.

Обратимся теперь к другим функциям и.-е. медиа. Вполне понятно, что действие, совершаемое субъектом в своих интересах, в свою пользу, производится с повышенной интенсивностью, что субъект действия проявляет в подобных случаях особую заинтересованность. Таким образом, обозначение особой заинтересованности субъекта в действии, которое рассматривалось многими исследователями как первоначальная функция и.-е. медиа, теснейшим образом связано с косвенно-возвратной функцией и вторично по отношению к ней. То же самое можно сказать и об обозначении повышенной интенсивности действия.

В древних и.-е. языках имеется большое количество глаголов, активные формы которых переходны, а медиальные — непереходны. Семантические отношения между переходными активными и непереходными медиальными формами глаголов очень разнообразны. Они находятся в тесной зависимости от лексического значения исходных глаголов. Пожалуй, наиболее характерными для медиальных форм этой группы глаголов можно считать следующие значения: 1) перемена положения и перемещение в пространстве, 2) произвольное действие, 3) состояние (физическое и психическое) или переход в определенное состояние. Указанные значения будут здесь проиллюстрированы материалами древнегреческого языка (соответствующие примеры из других древних и.-е. языков можно найти как в специальных исследованиях, так и в фундаментальных грамматиках этих языков); 1) κλίνω, актив «наклонять», медий «наклоняться»,τρέπω, актив «поворачивать», медий «поворачиваться», αἶρω, актив «поднимать», медий «подниматься» и т. д.; 2) ἀμείρω, актив «лишать», медий «лишаться», ἐγείρω, актив «пробуждать», медий «пробуждаться», ῥαίνω, актив «обрызгивать», медий «обрызгиваться», πληπλημι, актив «наполнять», медий «наполняться», λείβω, актив «лить», медий «литься»; 3) τήνω, актив «плавить», медий «плавиться, таять», καίω, актив — «жечь, зажигать», медий «гореть», αὐαίνω, актив «сушить», медий «сохнуть», φοβέω, актив «пугать», медий «пугаться», λυπέω, актив «печалить», медий «печалиться» и т. д.

Итак, медиальные формы со значением произвольного действия и состояния образуются путем интранзитивации от глаголов с определенными лексическими значениями. Функция интранзитивации, как мы стремились показать, развилась из прямо-возвратной функции медиа. Исходя из возвратной функции как первоначальной функции медиа, вполне можно объяснить появление медиальных форм со значением произвольного действия и состояния. Но если присоединиться к тем современным компаративистам, которые усматривают в обозначении произвольного

действия и состояния древнейшую функцию медиа, то возникновение возвратных функций медиа не получает удовлетворительного объяснения. Во всяком случае, сторонники указанной точки зрения такого объяснения не предложили.

В древних и.-е. языках наряду с глаголами, от которых образуются как активные, так и медиальные формы, представлены глаголы, употребляющиеся только в медиальной форме, так называемые *media tantum*. В компаративистике уже давно рассматривается вопрос об историческом соотношении между двудиагезными глаголами и *media tantum*: следует ли признать более древним употребление двудиагезных глаголов или же первоначально существовал лишь особый класс медиальных глаголов *media tantum*, а двудиагезные глаголы появились позднее. В нашем столетии явно возобладала вторая точка зрения, хотя до недавнего времени никто даже не сделал попытки ее обосновать [38, с. 415 и сл.; 39; 16, с. 93; 21, с. 78; 17, с. 31; 23, с. 179 и сл.].

Надо признать, что представление, в соответствии с которым *media tantum* исторически предшествуют глаголам с двойной диагезой, абсолютно не совместимо с отстаиваемой нами точкой зрения о возвратной функции как древнейшей функции медиа. Глагольные формы с прямо-возвратным значением предполагают наличие нерелексивных форм того же глагола. Формы с прямо-возвратным значением, не имеющие соотносительных нерелексивных форм, встречаются лишь как редкое исключение. Неоспоримые факты свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу вторичности *media tantum* по отношению к двудиагезным глаголам. Обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что при очень большом количестве двудиагезных глаголов, имеющих надежные этимологические соответствия в разных древних и.-е. языках, этимологически тождественных *media tantum* засвидетельствовано ничтожно мало [38, с. 417].

И все же чисто количественный момент имеет второстепенное значение. Гораздо важнее другое. Если рассматривать *media tantum*, представленные этимологически тождественными формами в разных древних и.-е. языках, или даже привлечь дополнительно *media tantum*, засвидетельствованные только в отдельных древних и.-е. языках, то можно обнаружить очень пестрый конгломерат глаголов с самыми разнообразными лексическими значениями. Следует согласиться с М. М. Гухман о том, что чрезвычайно существенным для определения статуса *media tantum* является вопрос о наличии смыслового инварианта, объединяющего глаголы, входящие в эту группу [23, с. 181]. Все это совершенно справедливо, но трудность в том и заключается, что смысловой инвариант здесь обнаружить не удастся. Относительно семантического инварианта *media tantum* М. М. Гухман приходит к следующему выводу: «Единственным действительно общим смысловым показателем является обязательная соотношенность с одушевленным субъектом» [23, с. 183]. Из дальнейшего изложения М. М. Гухман становится, однако, ясным, что соотношенность с одушевленным субъектом у глаголов *media tantum* наблюдается все же не всегда, что среди *media tantum* древнегреческого языка и в еще большей мере среди древнеиндийских *media tantum* встречается много глаголов, нейтральных в отношении выбора субъекта, что здесь можно говорить не об обязательной, а лишь о преимущественной соотношенности с одушевленным субъектом. Но этот признак нельзя рассматривать в качестве семантического инварианта *media tantum* хотя бы уже по той причине, что преимущественная соотношенность с одушевленным субъектом свойственна глаголам в древних и.-е. языках (и, по-видимому, не только в них) как лексико-грамматическому классу слов в целом. Подсчеты, произведенные нами по материалам словарей древнегреческого языка, показали, что число глаголов, сочетающихся только с одушевленным субъектом, намного превосходит число глаголов, нейтральных в отношении выбора субъекта, а число глаголов, сочетающихся только с неодушевленным субъектом, очень невелико.

Таким образом, если исходить из представления о первичности в плане диахронии *media tantum* по отношению к двудиагезным глаголам, то

в совокупности лексических значений *media tantum* можно усматривать лишь случайный набор самых разнообразных и разнородных элементов. Картина в большой мере проясняется, если рассматривать *media tantum* как исторически сравнительно позднее явление, вторичное по отношению к двудиагезным глаголам. Большинство глаголов *media tantum* соответствует по своей семантике различным группам медиальных форм двудиагезных глаголов. Среди *media tantum* имеются глаголы с возвратным значением, в том числе — глаголы со значением прямо-возвратным (ἀπολογαίνονται «очищать себя от скверны», καυχόμενοι «восхвалять себя», ἀπολογέομαι «защищать себя»), глаголы со значением косвенно-возвратным (ἀρπύζωμαι «добывать», ἱλάσσομαι «примирять с собой, склонять на свою сторону», κτάομαι «приобретать» и т. д.), глаголы с взаимно-возвратным значением (ἄντομαι «встречаться», διτέωμαι «делить между собой», μάρναμαι «сражаться» и т. д.).

Среди *media tantum* широко представлены глаголы, сопоставимые по своему значению с приведенными выше непереходными медиальными формами, образованными от переходных глаголов. Сюда относятся глаголы, обозначающие перемену положения и передвижение (ἄλλομαι «прыгать», ἰδύομαι «сгибаться», πέτομαι «лететь», ἔπομαι «следовать; идти», νόομαι «идти, возвращаться» и т. д., а также глаголы, обозначающие физические и психические состояния (θερρόμαι «нагреваться», πύθομαι «гнить», τέρσομαι «высыхать», ἄγαμαι «восторгаться»! γάγγομαι «радоваться», σέρβομαι «сердиться» и т. д.). Примерно тот же круг значений характерен для *media tantum* древнеиндийского языка [3, с. 40 и сл.].

В целом можно сказать, что картина, которую представляют *media tantum* древних и.-е. языков, во всех существенных чертах сходна с той картиной, которую представляют *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. Подводя итог рассмотрению *reflexiva tantum* современного русского языка, А. М. Пешковский заключает, что внутри *reflexiva tantum* ясно различаются все те значения, которые передаются возвратными формами глаголов, образующих также и невозвратные формы [40, с. 134]. К аналогичному выводу пришли и мы: в большинстве случаев глаголы *media tantum* сопоставимы по своему значению с медиальными формами двудиагезных глаголов.

Правда, среди *media tantum* встречаются глаголы, не сопоставимые по своей семантике с такими медиальными формами двудиагезных глаголов, значение которых образует регулярную функционально-семантическую оппозицию со значением активной формы соответствующего глагола. Следует, однако, учесть, что и у глаголов с двойной диагезой нередко наблюдается лексико-семантическая дифференциация залоговых форм, при которой медиальная форма выступает в значении, не образующем регулярной функционально-семантической оппозиции ни с одним из значений активной формы соответствующего глагола [26]. Подобное явление наблюдается и у *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. А. М. Пешковский отмечает, что у некоторых возвратных глаголов русского языка, не имеющих соответствующих форм без -ся, «значение залоговой формы, действительно, трудно уловимо» [40, с. 135]. Таким образом, *media tantum* древних и.-е. языков обнаруживают явное сходство с *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. Этот факт служит еще одним доводом в пользу представления о возвратной функции как первоначальной функции и.-е. медиа.

В предшествующем изложении были подвергнуты критическому анализу наиболее распространенные воззрения на первоначальную функцию и.-е. медиа; было показано, что в качестве таковой нет оснований рассматривать ни обозначение особой заинтересованности субъекта в действии, ни обозначение состояния или непроизвольного действия, ни функцию интранзитивации. Функциональный анализ привел нас к заключению, что рефлексивная функция и.-е. медиа была его первоначальной функцией. В своих истоках и.-е. медиа был, по-видимому, рефлексивом, функциональная сфера которого объединяла прямо-возвратную и косвенно-возвратную функции. В сфере функционирования медиальных форм нет таких явлений, происхождение которых нельзя было бы объяснить,

исходя из рефлексивной функции медиа. Никакие явления этой сферы не побуждают нас предполагать, что рефлексивной функции медиа предшествовала какая-либо иная его функция. Вывод, к которому мы пришли, получен только на основании анализа функционирования медиальных форм. Разумеется, вопрос о первоначальной функции и.-е. медиа может быть решен окончательно только в том случае, если удастся убедительным образом объяснить происхождение его формальных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.
2. Gildersleeve B. L. Syntax of classical Greek from Homer to Demosthenes. Pt. I. New-York, 1900, p. 61.
3. Eaton A. J. The Atmanepada in Rigveda. Leipzig, 1884.
4. Speyer J. S. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896, S. 47.
5. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957, с. 264 и сл.
6. Поржезинский В. К. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903, с. 106.
7. Богородицкий В. А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917, с. 184.
8. Brugmann K. Zur Frage des Ursprungs der Personalendungen des indogermanischen Verbums. — IF, 1921, Bd 39, S. 131.
9. Meillet A. Remarques sur les désinences verbales de l'indo-européen. — BSLP, 1922, t. 23, fasc. 1.
10. Chantraine P. Le rôle des désinences moyennes en grec ancien. — Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, 1927, t. 53, p. 153 и сл.
11. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Tl. 4. Heidelberg, 1928, S. 127 и сл.
12. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938, с. 257.
13. Бенвенист Э. Активный и средний залог в глаголе. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 186.
14. Kuryłowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. — BSLP, 1932, t. 33, p. 2 и сл.
15. Stang Chr. S. Perfectum und Medium. — NTS, 1932, Bd. 6, S. 29 и сл.
16. Neu E. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen. Wiesbaden, 1968.
17. Савченко А. Н. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.
18. Gonda J. Reflections on the Indo-European medium. I. — Lingua, 1960, v. 9, № 1, p. 49, 53, 66.
19. Gonda J. Reflections on the Indo-European medium. II. — Lingua, 1960, v. 9, № 2, p. 175.
20. Gonda J. The medium in the Rgveda. Leiden, 1979, p. 1, 2, 16, 17, 24, 27.
21. Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. — In: Indogermanische Grammatik. Bd. 3. Tl. 1. Heidelberg, 1969.
22. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, с. 347 и сл.
23. Гудман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
24. Vendryes J. Une catégorie verbale: le mode de participation du sujet. — BSLP, 1948, t. 44, fasc. 1, p. 3.
25. Перельмутер И. А. Индоевропейские истоки древнегреческого медиа и категория переходности в структуре предложения. — В кн.: Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1981.
26. Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977, с. 154 и сл.
27. Margulies A. Verbale Stammbildung und Verbalidiathese. — KZ, 1931, Bd. 58, Hf. 1/2, S. 113 и сл.
28. Kuryłowicz J. The inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 56 и сл.
29. Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981.
30. Реферовская Е. А. Местоименная форма — форма непереходности. — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 204, сер. филол. наук, вып. 29.
31. Виноградов В. В. Русский язык. М. — Л., 1947, с. 630.
32. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М., 1971.
33. Bolling G. M. Personal pronouns in reflexive situations in the Iliad. — Language, 1947, v. 23, № 1, p. 23.
34. Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 142.

35. *Georgiev V. J.* Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. — Балканско езикознание, 1975, XVIII, 3, S. 42 и сл.
36. *Десницкая А. В.* К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. — ИАН ОЛЯ, 1947, № 6.
37. *Десницкая А. В.* Значение винительного падежа в языке «Илиады» Гомера. — В кн.: Научная сессия, посвященная 25-летию Института языка и мышления им Н. Я. Марра АН СССР (Московское отделение): Тезисы докладов. М., 1947.
38. *Delbrück B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Tl. 2. Strassburg, 1897.
39. *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2-te Bearb. Bd. 2. Tl. 3. Lf. 2. Strassburg, 1916, S. 590.
40. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.